

Три раза подряд уездный судья произнёс «Хорошо!» — и всё это было ради Дин Тяня.

Даже советник не сдержал довольной улыбки:

— Тянь-эр, молодец.

— Вы льстите мне, господин, — смущённо улыбнулся Дин Тянь. — Я просто по природе своей копун. Батка в детстве немало меня за это журил, да только так и не отучил. Хе-хе. Зато чисто и удобно — не зря же говорят, что в уюте и работается лучше. Раз уж куковать здесь весь век, пусть хоть будет по-человечески, а то и на душе беспокойно.

— Ты всё ещё дитя дитём, — рассмеялся уездный судья. — Сейчас-то поддерживать такую чистоту нетрудно, а появятся арестанты — что тогда станешь делать? Впрочем... молодец. Не поспоришь.

Судья был так доволен, что к ужину велел кухне на заднем дворе приготовить для Дин Тяня два блюда — свинину, тушённую с тофу, и рваную курицу.

А супруга уездного судьи, должно быть, тоже прониклась радостью мужа: прислала старую няню с новым ватным одеялом.

— Барыня сказала: слышала, что ты, дитяtko, с двумя лишь перинами приехал, — промолвила та степенно. — Как бы не замёрз. Вот, прими ещё одно — из прошлогодней свежей ваты.

— Благодарю барыню, благодарю вас! — Дин Тянь вложил ей в руки свёрток с солёными жареными речными креветками. — Возьмите с собой — вечером к вину самое то.

Креветки только-только появились на рынке — плошка по три-пять монет всего. Он купил себе целый тазик за десять монет: по утрам, пока хлебаешь пшённую кашу, в самый раз — и вкусно, и для костей полезно. Отдать часть было не жалко — в масле жаренные, а старая няня уж в годах, вкус притупился, уважает жирное да солёное. А тут — в перечно-соляной корочке, то что надо.

— Ну что ж, приму, — степенно кивнула та.

Проводив её, Дин Тянь расставил еду на столе и принялся за ужин. Раз дают — возьму, раз угощают — поем.

Одеял ему хватало, но от нового не отказался. Старое своё решил приберечь — вдруг арестанты появятся, им и пригодится.

Жилось ему неплохо. Чисто, тихо, сам себе хозяин. Дин Тянь думал, что мог бы провести здесь

всю жизнь.

Ведь здесь было так спокойно!

Жаль только, что за этим спокойствием скрывалась неожиданная суета.

\*\*\*

\*\*\*Третий месяц. Праздник Цинмин\*\*\*

Дин Тянь вернулся в Деревню семьи Дин — поклониться могилам родителей этого тела, сжечь жертвенную бумагу, убрать погост.

— Тянь-эр, завтра загляни и к дядюшке Ху, — напомнил Второй дядя. — Всё-таки материнская родня. Говорят же: из всей родни дядя по матери — первый. Единственный брат твоей матушки.

— Знаю, Второй дядя, — кивнул Дин Тянь.

Если говорить о дядюшке — тот ещё был человек.

Мать Дин Тяня была родом из Деревни семьи Ху — тоже родового поселения, только стоявшего несколько выше прочих: там держали семейную школу. Госпожа Дин Ху была дочерью старого сюца, учителя той самой школы.

Чтобы жениться на дочери учёного, Дин Дахай выплатил поистине щедрый выкуп: мешок риса, мешок зерна, пару золотых шпилек, пару серебряных браслетов, пару золотых серёжек — и сорок лян серебром сверху. Да ещё две откормленные свиньи.

В округе такое помнили долго.

Но когда семья Ху выдавала дочь, обратно вернули лишь пару серебряных браслетов да пару серебряных серёжек. Остальное осталось в доме.

Выяснилось — у жены старого сюца был младший сын, на десять лет моложе старшей сестры. Всё придержали для его будущего выкупа.

Позднего ребёнка родители холили и лелеяли, но в учёбе послабления не давали — тот выдержал экзамен и получил степень сюца. Готовился идти дальше, на цзюйжэня, однако шесть лет назад война застала Деревню семьи Ху врасплох. Половина деревни погибла. Старый сюцай и его супруга погибли, оставив этого единственного отпрыска...

Дядюшка, впрочем, словно переродился после пережитого — то ли смерть смотрела ему в лицо, то ли лишился всякой опоры и образумился. Так или иначе, выйдя из траура, он взял себя в руки: поднял семейную школу, наладил дело — и жил теперь вполне прилично.

<http://bllate.org/book/19387/1997433>